

УДК 340

ПРАВО VS СПРАВЕДЛИВОСТЬ: С ПОМОЩЬЮ ВОЙНЫ СОТВОРИТЬ СВОЙ МИР¹

*К. фон Линген – юниорпрофессор Гейдельбергского университета, руководитель исследовательской группы «Transcultural Justice: Legal Flows and the Emergence of International Justice within the East Asian War Crimes Trials, 1946-1954»²
E-mail: lingen@asia-europe.uni-heidelberg.de*

Аннотация

После окончания Второй мировой войны на евразийском континенте состоялось несколько тысяч судебных процессов против военных преступников, нередко эти разбирательства преследовали своей целью не столько справедливость, сколько политические интересы стран-победительниц. Это характерно прежде всего для процессов, состоявшихся в Восточной Азии в контексте деколонизации и Холодной войны. Исследовательская группа из университета Гейдельберга (Германия) изучает взаимные влияния между Азией и Европой в рамках процессов против военных преступников и анализирует глобальные последствия амбивалентных судебных приговоров.

Ключевые слова: процессы над военными преступниками после 1945 г., международное гуманитарное право, транснациональная юстиция, деколонизация Азии.

Исторической справедливости нет места там, где присутствуют политические влияния. Этот отрезвляющий вывод сделал нидерландский правовед Берт Рёлинг на основе своего профессионального опыта в качестве судьи военного трибунала в Токио, а также временного особого представителя своей страны при ООН. В 1960 г. в одной из лекций в своем родном университете в Утрехте он утверждал: «Позиция страны обуславливает взгляд юристов и судей, их оценку ценностей и интересов, их мнение о текстах договоров, их оценку особых случаев».

Позиция Рёлинга объясняется двойными правовыми стандартами Нидерландов в ходе процессов над военными преступниками, состоявшимися после окончания Второй мировой войны. Нидерланды были вовлечены в эти процессы как оккупированное в свое время нацистами европейское государство и как страна-победитель японских оккупационных формирований в Восточной Азии, представляющая собственные колониальные интересы.

В обоих случаях на нидерландских судей была возложена задача вершить возмездие над оккупантами. С другой стороны, в Европе голландская нация и ее граждане сами пострадали от оккупации, а в Восточной Азии, напротив, они выступали адвокатами, представляющими индонезийских жертв японского насилия. Эта амбивалентная исходная позиция привела к столь же неоднозначным правовым последствиям.

XX столетие ознаменовало собой начало особой эры, в которой идеи «тотальной» войны пронизывают все сферы военной и мирной жизни. Одновременно мы можем констатировать первые устремления ограничить военное насилие и воздать за него.

¹ Немецкоязычный оригинал статьи опубликован в *Ruperto Carola Rorschungsmagazin*. 2014. №4. S.59–65.

² Отдельные проекты исследовательской группы: «UNWCC Legal Committee (London/ Chongking)», PhD: «Dutch War Crimes Trials policy in the Far East (Tokyo/ Indonesia)»; PhD: «French War Crimes Trials Policy in the Far East (Tokyo/ Indochina)»; PhD: «Soviet War Crimes trials policy in Far East and the contribution towards international law: Aron Trainin's law school and the Trial at Khabarovsk (1949)»; PhD: «Chinese War Crimes Trials Policy and interaction with the UN Sub-Commission at Chongking, 1944-1947»; Fellow: «Decolonizing International Law: Radhabinod Pal, Dharmic Justice, and the War Crimes Trial in East Asia».

Рожденное в этот период международное гуманитарное право уже в своем названии и еще больше в своем генезисе продемонстрировало противоречие.

Хотя война рассматривалась как легитимное средство решения межгосударственных конфликтов, одновременно распространилось устремление как можно полнее защитить мирных граждан всех государств от насилия, порожденного войной. Основами гуманитарного права стали межгосударственные соглашения, а также позиция отдельных транснациональных групп – медиков или юристов, которая во второй половине XIX в. стала звучать на международном уровне.

В тот период ангажемент гражданского общества в вопросах наднациональных интересов начал в возрастающей степени конкурировать с дипломатическими контактами в качестве единственного средства интернациональной политики. Примерами этой эпохи являются основание Красного Креста (1863 г.) или обе Гаагские мирные конференции (1899 г. и 1907 г.).

Первая мировая война пошатнула доверие в эту евроцентристскую идею цивилизации, Вторая мировая война окончательно ее дискредитировала. Вплоть до начала Второй мировой войны национальные законодательства, особенно военное право и рамочные условия второй Гаагской конвенции, расценивались как вполне достаточные для возмездия за военные преступления. Перед лицом военной жестокости, систематических преследований и убийств, с которыми национал-социалисты обрушились не только на государства Европы, но и на граждан своей и чужих стран, накопленный правовой инструментарий оказался беспомощен. Вопросы о масштабах коллаборационизма и о роли движений сопротивления затрагивали, кроме того, сферу права.

В целях наказания преступлений Второй мировой войны, а также свершения возмездия над избранными главными преступниками были основаны два международных военных трибунала: Нюрнбергский и Токийский. В политическом и юридическом ракурсе рассматриваемые здесь процессы представляли собой эксперимент, который привел к дальнейшему развитию интернациональных стандартов международного права, а также права на случай войны. Подписанный в августе 1945 г. в Нюрнберге Статут Трибунала против главных военных преступников стал основой нового международного права на случай войны, возникшего на развалинах Европы, одновременно этот статут послужил образцом для Токийского трибунала.

Опыт Международного трибунала в Токио, заседавшего с 1946 г. по 1948 г., расширил прежний строго европоцентричный взгляд и перевел существующие юридические принципы на транснациональный уровень, поскольку в Восточной Азии следовало привести к общему знаменателю ожидания жертв войны и политические амбиции колониальных держав – фактор влияния, не игравший никакой роли в самой Европе и отсюда приведший к первым вызовам в адрес новых наднациональных принципов.

В Восточной Азии совершенно иное значение приобрел тот факт, что процессы над военными преступниками хотя и происходили под наблюдением транснациональных авторитетных органов, например, Комиссии по расследованию военных преступлений ООН, но все же руководились соответствующей национальной политикой, в связи с чем в этом регионе не возникло единой желаемой справедливости, но господствовали мысли о реколонизации украденной японцами «собственности».

Именно в процессах над военными преступниками Второй мировой войны очень часто стирались границы между победителями и побежденными, между оккупантами и оккупированными. В ситуации Холодной войны, а также разрушения колониальных империй в Восточной Азии как нигде границы приобрели проницаемый характер. В ходе этих процессов особенно четко проявлялся примат политики перед нормами права. К примеру, Нидерланды и Франция вершили суд над японскими оккупантами и как представители союзников, и как представители жертв, не обладавших этим правом, подчеркивая одновременно свою политическую претензию на господство в данном регионе.

Отсюда судебные процессы над японскими военными преступниками, организованные голландской и французской стороной, находились в постоянном взаимовлиянии и обмене с процессами, которые происходили одновременно и нередко с теми же формулировками обвинений, что и над немецкими национал-социалистическими преступниками, – в Европе. Однако при сравнении приговоров бросается в глаза, что японские преступники наказывались с гораздо большей жесткостью, чем немецкие.

Несмотря на то, что в голландских судах было вынесено 14528 приговоров, они были нацелены в основном против собственных коллаборационистов. Лишь 193 немца были признаны виновными, 14 из них были приговорены к смертной казни, при этом только пять подобных приговоров были приведены в исполнение. В Индонезии, напротив, голландские суды вынесли почти в пять раз больше подобных приговоров: 969 японцев были приговорены, 236 из них к смерти.

Это явное различие может быть объяснено двумя причинами: с одной стороны, фокус голландской политики преследований на родине концентрировался на собственных гражданах: планировалось свершить суд над коллаборационистами за «предательство нации». С другой стороны, процессы, организованные голландцами в Индонезии, проходили отнюдь не в вакууме. С 1945 г. по 1948 г. в этой стране свирепствовала кровавая война за независимость, развязанная жителями колонии с целью освобождения от голландского владычества.

Нередко колониальные армии совершали те же преступления, за которые японские офицеры были отданы под суд, однако большинство из этих деяний не подлежали наказанию. Эта амбивалентность, наблюдаемая и в политике других колониальных держав в Восточной Азии, наносила большой ущерб легитимности их судебных действий и значительно ускорила формирование устремлений к независимости Индонезии.

Не только Нидерланды, но и другие страны преследовали в ходе процессов над военными преступниками собственные политические интересы. К примеру, Индия использовала свое участие в Токийском трибунале в целях ускорения процессов деколонизации. Представители этой страны поставили принципиальный вопрос: как вообще можно отличать друг от друга японскую и колониальную агрессию.

Индийский судья Радхабинод Пал требовал оправдания всех обвиняемых с тем обоснованием, что японская военная экспансия проводилась в целях освобождения Азии от европейцев. Далее он подчеркнул, насколько важен лозунг японцев «Азия для азиатов». Подобными взглядами Пал оказал большое влияние на своих европейских коллег-судей, например, с цитируемым в начале статьи голландским юристом Рёлингом он тесно дружил. В 1952 г. вслед за Рёлингом он последовал в Нью-Йорк в статусе советника при ООН, позже оба они стали университетскими профессорами и состояли в переписке друг с другом.

Еще одним примером страны, использовавшей процессы против японцев как политический рычаг, был сталинский Советский Союз, пытавшийся закрепить претензии на свою власть в Восточной Азии и теснее привязать к себе своих коммунистических соседей. Политическое целеполагание Сталина практически совпадало с позицией Китая, который использовал процессы прежде всего для того, чтобы представить себя как современную нацию и тем самым занять достойное место в послевоенной расстановке сил в Восточной Азии. В итоге Советский Союз организовал всего лишь один процесс в 1949 г., который, по-видимому, был задуман как реверанс в адрес соседнего коммунистического Китая с целью улучшения советско-китайских отношений.

Опыт амбивалентности, который сложился в ходе процессов над военными преступниками в зависимости от политических интересов, имел далекоидущие последствия для развития международного гуманитарного права: идеализм первого послевоенного времени, сопровождавший создание Объединенных наций в Сан-Франциско в июне 1945 г., быстро угас. Впервые стал возможным супранациональный путь устранения конфликтов, и уже в 1946 г. Комиссия международного права ООН взяла на себя задачу составления международного уголовного кодекса.

Тем не менее мечте о начале новой эры, в которой на место насилия и национальных интересов в качестве ключевых факторов мирового порядка пришли бы право и международные организации, не суждено было воплотиться. Об этом позаботились международные кризисы, возникавшие в ходе растущего противостояния Востока и Запада, прежде всего, в ходе Корейской войны, из-за которой совещания с 1952 г. застопорились и в итоге прекратились.

Дебаты на академическом уровне обусловили тот факт, что тема правового наказания за военные преступления осталась в призме внимания общественности. К примеру, профессор Рёлинг требовал в рамках своих лекций создания реалистического регулирования на случай войны. Печальным уроком международных военных трибуналов над главными военными преступниками была значительная правовая неуверенность, что и продемонстрировали антиколониальные войны. Как считал Рёлинг, при действиях, направленных против гражданских лиц, солдаты, к примеру, не могут различить, какой приказ вел к военному преступлению, а какой в рамках военного права может быть оправдан как возмездие. Логичным образом перед судом могли предстать только отдававшие приказ офицеры, а не солдаты, следовавшие ему.

Все же именно эти противоречия, возникшие из опыта деколонизации Восточной Азии, и вышедшая на поверхность проблема военного насилия против гражданского населения освободили путь для новоопределения юридических принципов международного права. В итоге были переработаны основы правоприменения на случай суда над геноцидом, преступлениями против человечества, а также военными преступлениями, в 1998 г. в измененном виде они были включены в текст Римского статута. В 2002 г. этот документ вступил в действие в акте основания Международного трибунала в Гааге.

Исследователям еще предстоит изучить дальнейшие взаимовлияния между восточноазиатскими процессами и правовой культурой в Европе, поскольку европейские судьи в Восточной Азии (в Токио или в колониях) накопили в ходе свыше 5700 послевоенных процессов над военными преступниками разнообразный опыт взаимодействия с восточноазиатскими представлениями о праве, которые они представляли позже в своих родных странах. Судьи типа Рёлинга могут расцениваться при этом как отцы-основатели поколения транснациональных юристов, которые несут службу сегодня в международных трибуналах в ходе судебных процессов по Югославии, Руанде или Камбодже.

Перевод Нагорной О.С.

LAW VS JUSTICE: THE WAR WITH THE WORLD CREATE HIS

K. von Linggen - junior professor at Heidelberg University, head of research group «Transcultural Justice: Legal Flows and the Emergence of International Justice within the East Asian War Crimes Trials, 1946-1954»

E-mail: linggen@asia-europe.uni-heidelberg.de

Abstract

War crimes trials after 1945 contributed to the formation of transcultural norms of legality and legitimacy, as well as transnationally accepted notions of “justice”. A new junior research group at Heidelberg University examines the interaction between war crimes trials policy in Europe and Asia after 1945 from a historical perspective by focusing on the assignment of legal staff and judges and their contribution to the development of international criminal law.

Keywords: *War crimes trials after 1945, international criminal law, transnational justice, decolonization in Asia.*